

ДОБРОВИНСКАЯ

ГАЛЕРЕЯ

Александр
ДОБРОВИНСКИЙ

ДОБРОВИНСКАЯ
ГАЛЕРЕЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д 55

Оформление обложки — *Ирина Сальникова*

В книге использованы иллюстрации художника
Екатерины Матвеевой, предоставленные автором
из личного архива.

Автор благодарит Аркадия Поляка
за содействие в издании этой книги.

Добровинский, Александр Андреевич.

Д 55 Добровинская галерея : [роман] / Александр Добровинский. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-17-087586-3

Александр Андреевич Добровинский — Адвокат, Коллекционер, Писатель, Радиоведущий, Публицист, Муж, Отец, Гольфист, Актер кино, Менеджер и Путешественник, Гурман и Модник.

Москвич во втором поколении, хотя прожил полжизни за границей: Париж и Сан-Тропе, Нью-Йорк, Монако, Женева.

Свободно владеет несколькими европейскими языками, но что более важно — изучил культуру каждой страны проживания.

Считает, что самое главное в нашем Мире — это ЛЮБОВЬ.

А самое приятное время — это то, которое ты проводишь с людьми: лежа, стоя, сидя или даже в движении.

Старший Партнер Московской коллегии адвокатов «Александр Добровинский и Партнеры».

Известен в стране как главный специалист по трудным разводам.

Собрал двадцать две различные коллекции, которые насчитывают более 40 000 единиц хранения. Автор нескольких книг и монографий.

Не любит политику.

Очень любит жизнь.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087586-3

© А. Добровинский
© ООО «Издательство АСТ»

ПРЕДУСЛОВИЕ

Не судите строго...

Писать я начал очень давно. Первый рассказ был короткий и сопровождался иллюстрацией. Рисунок где-то затерялся, что само по себе очень жаль, а вот текст я помню наизусть: «МАМА — БАБА». Автору было пять лет.

Посмотрев на рассказ и на рисунок, дедушка сказал: «Молодец. Стопроцентное попадание. Написано и изображено с большим юмором».

В семье открылась дискуссия на тему: «Где ребенок видел работы кубистического периода Пабло Пикассо, и есть ли в разбросанных кляксах влияние Кандинского?»

Мама посмотрела на свой портрет еще раз и, в конце концов, сказала: «Знаешь, Саша, художник из тебя не выйдет. Ты лучше пиши».

И пообещала за это строго не наказывать. Задатки адвоката сработали, и я задал сакраментальный вопрос: «Если строго не судить, то и наказывать строго нельзя?»

С тех пор согласно этой сентенции и пишу.

Одесский юмор с московским акцентом

Все мои многочисленные родственники нашей некогда огромной семьи постоянно шутили. Или так разговаривали. Я до сих пор не могу разобраться.

Вот только несколько примеров из моего детства.

- Идет дождь. Поздняя московская осень. Бабушка со вздохом роняет: «В такую погоду хорошо поспать. С приличным человеком... Вот, например, у меня никогда не было романа с кем-либо дворянского происхождения...» Дедушка: «Сашенька! Сходи, пожалуйста, вниз за дворником Рашидом. А я через час закончу статью про этот дурацкий “гамма-глобулин” и подмету за него в подворотне».

- Мама с подружкой меряют что-то принесенное спекулянтами нам домой. Подруга: «Люсенька! Мне идет эта кофточка?» Мама: «Лена! С твоими сиськами кофточка не то что тебе идет, она просто на тебя наезжает...»

Но самое главное, что я унаследовал от них, — это умение и желание посмеяться над самим собой. Если ты можешь себе это позволить, тебе не страшен целый мир.

Когда у бабушки что-то не получалось, он всегда сам себе говорил: «Я полный кретин: я просто итальянский маркиз!» Как-то я уже более-менее взрослым попросил его расшифровать мне эту загадку. Оказалось, что в юном возрасте он с родителями путешествовал по Италии. Конечно, до революции. В великой Флоренции гид показывал путешественникам из России достопримечательности. Мой будущий дед: «Папа! Давай у нас в Одессе построим такой же красивый дом!» Отец сыну: «Вырастешь — построишь сам. Здесь уже все про хозяйина написано...» Надпись на доме для одесситов была значимая: «Вилла маркиза дель Поццо». Мои дети, еще не зная этой истории, так с детства и повторяют: «Мало того, что Он поц, так он еще и маркиз...»

«Поц» на идиш — очень некрасивое слово. Забудьте...

Правда, только Правда, и ничего, кроме Правды?

Я всегда пишу только о том, что прожил, увидел и потрогал. Или подумал... Моих читателей часто

интересует, сколько в рассказах фантазии и сколько правды. Отвечу точно, не кривя душой ни моей, ни моих персонажей, но опять с одесским акцентом: «А вам как бы хотелось?» Но лучше всего прочтите рассказ, который так и называется «Правда, только Правда и ничего, кроме Правды». Все поймете.

Просто все, что происходит вокруг, люди видят через свою призму. А я, по довольно точному определению моей любимой, вижу все «через клизму». Может быть, потому, что я адвокат, И все вижу через... профессию.

«Татлер» и Ксения

Я бы и не думал писать рассказы, а тем более печатать их, если бы ни одна замечательная женщина — редактор журнала «Татлер» Ксения Соловьева. Наверное, на уровне женско-кошачьей интуиции она первый раз попросила меня написать что-нибудь интересное на тему «Дети и Деньги». Получилось. Так и стал согласно «Татлеру» их любимым автором. Мы даже в чем-то за эти годы сроднились, что ли... Как-то пропустил один журнальный месяц. Занят был очень. Друзья и знакомые обзвонились. Что случилось? Не может быть? Вы расстались? Я отшучивался. Говорил, что перешел в журнал «Тайны садоводства и проктологии». Не верили. Ругались. Требовали. И опять ругались. Больше не пропускаю... Пишу каждый месяц.

Теперь вот Ксении Соловьевой я обязан огромным удовольствием, которое получаю, видя отзывы моих читателей. Без Нее и «Татлера» не было бы и этой книги.

Любовь

Все, что я делаю, все, что я пишу, посвящено Ей. Моей любимой. Единственной. Той, которая подарила мне детей и, самое главное, чувство в жизни. Той, которая все эти рассказы читает и, несмотря на это,

по-прежнему меня любит. Мало этого, Она терпит вопросы всех друзей и знакомых. И только иногда укоризненно смотрит. Смотрит ужасно. Лучше б орала. А Она только смотрит. Может быть, поэтому я ее так люблю?

Автобиодобавка

Некоторое время назад меня попросили написать биографию. Начал писать по классическим канонам. Стало скучно так, что даже Джессика, почувствовав неладное, спрыгнула с моих колен и куда-то ушла по своим собачьим делам. Я осознал свою ошибку и переписал так, как должен был бы сделать с самого начала.

Александр Андреевич Добровинский

Адвокат, Коллекционер, Писатель, Радиоведущий, Публицист, Муж, Отец, Гольфист, Актер Кино, Меценат и Путешественник, Гурман и Модник.

Москвич во втором поколении, хотя прожил полжизни за границей:

Париж и Сан-Тропе, Нью-Йорк, Люксембург, Женева.

Свободно владеет несколькими европейскими языками, но, что более важно, изучил культуру каждой страны проживания.

Считает, что самое главное в нашем Мире — это ЛЮБОВЬ.

А самое приятное время — это то, которое ты проводишь с людьми: лежа, стоя, сидя или даже в движении.

Старший Партнер Московской коллегии адвокатов (имени себя самого) «Александр Добровинский и Партнеры».

Известен в стране как главный специалист по трудным разводам. Хотя коллегия в общей сложности осуществила более 1200 разводов, а поженила (брачный контракт) около 4500 пар. Остальное население страны пока остается в виде потенциальных клиентов.

Образование: Юридическое и Экономическое. Кандидат Юридических Наук.

Кроме этого, за плечами — Бизнес-школа INSEAD во Франции.

Награжден Орденом Звезды Президента Италии (один из главных орденов страны) за открытие в культурологии XX века.

Действительно, собрал коллекцию, систематизировал, написал книгу и издал ее на русском и английском языках о так называемой Красной Иконе или АГИТЛАКе, что стало открытием в истории и культурологии прошлого века.

Автор нескольких книг и монографий.

Другая коллекция — фарфора выставлялась в ГМИИ им. Пушкина в пяти залах в течение полугода в 1996—1997 годах. Всего в собрании 18 различных коллекций или, языком музейных работников, более 40 000 единиц хранения.

Ведет семинары и читает лекции.

Последние увлечения:

- советский кино- и рекламный плакат 20—30-х годов
- работа над архивом Любови Орловой и Григория Александрова, создание частного музея их жизни и творчества

- совместно с Юлией Аршавиной-Барановской пытаются изменить законодательство и более-менее приравнять сожителство к официальному браку, так как считает, что это правильно и честно.

Не любит политику.

Очень любит жизнь.

P.S. Через минуту после того, как я дописал последний абзац, вернулась Джессика.

Москва, 2014

ТОВАР НЕ ПРОДАЕТСЯ

Он зашел в переговорную, и в ней стало сразу как-то тесно и душно.

Несмотря на то что клиент был нефтяником, от него совсем не пахло бензином, а скорее застоявшимся потом, уютно спящим под одеколоном Армани.

Нехотя проглотив запрет на курение, Сергей приступил к делу. Развод. С женой двадцать лет с института. Есть новое слегка беременное молодое существо. Двое детей. Больше двух-трех миллионов не даст. Не фига баловать. Да, евро. До офшоров не доберется. Детей с одной стороны надо бы забрать, а с другой? Дачу, квартиру, цацки ей, а остальное... Нет, все-таки детей ей.

Тихим шуршунчиком отъехала в сторону дверь, и к нам, чуть покачиваясь, вошел или скорее вплыл поднос на руках у новой секретарши. Ее история началась вчера поздно вечером.

Маша, любимая помощница Маша, та, на которую можно всегда положиться, должна была срочно уехать. Маме стало плохо, и ухаживать за ней было некому. Вечерний поезд увез Машуню в Питер известно когда, но неизвестно на сколько. Маша не могла меня бросить просто так на произвол клиентов. Ее коллега Оксана (Оксик) никогда бы не справилась одна. Кофе, звонки, план на неделю, почта, приглашения, журналисты и прочие кровососущие. Нет, одного человека на этом месте можно только похоронить. И то быстро, по систе-

ме «фаст фуд». Так вот, Машуня перед отъездом сказала, обнимая своего босса: «Я попросила свою подругу меня заменить на несколько дней. Она умненькая, и ей сейчас очень нужно хоть где-то поработать. Ира. Придет утром».

Когда поднос перешел из воздушного состояния в настольное, мы увидели абсолютно запрещенные в офисе джинсы на высоких каблуках и синий свитер под цвет глаз.

Ирина была удивительно хорошо сложена. Все три вещи, которые, по идее, надо было с нее немедленно снять (этикет адвокатского бюро, не подумайте чего другого), находились под вызывающе милой головой с огромной копной темно-рыжих волос.

После раздачи кофе и воды джинсы повернулись реверсом, а затем удалились из переговорной, оставив в эфире напряженную паузу. Мы еще секунд сорок посмотрели молча на закрытую Ирой дверь, и наконец нефтемэн зафонтанировал из верхней скважины: «А кроме того, я подумал, что нашей добывающей компании вообще необходимо сотрудничество с вашей коллегией. Близкое. Здесь и в Нижнем Вартовске. Я уверен, что мы договоримся».

Я назвал сумму. Фонтан верхней скважины как-то поперхнулся. «В месяц, — добавил я. — И за полгода вперед...»

Скважина еще раз забулькала, но в конце концов сдалась. «К пяти часам сумма будет на счету. Но мне хотелось бы Вас пригласить сегодня на ужин. Я иду на благотворительный бал с ужином и с аукционом. Отметим, так сказать. И секретаршу вот эту возьмите с собой..., пожалуйста. Если, конечно, Вы сами не... ну понимаете...» Я понимал. Это я иногда делаю вид тормоза, а так я сообразительный. Мы довольно быстро распрощались, и к вечеру я получил приглашения на бал «блек

тай» и сообщение испуганной бухгалтерии о том, что нам в банк упал то ли годовой бюджет Анголы, то ли внешний долг Израиля.

Я собрался с силами довольно быстро. Часа за два. Наконец она сама зашла с какими-то бумагами. Я начал бляеть что-то невнятное и объяснял, заикаясь, ситуацию. Рыжая кучерявка смотрела на меня в упор с легкой улыбкой. Я уставился на нее сантиметров на тридцать ниже упора, и от того, во что я уставился, мне было опять не по себе, хоть взгляд и раздвоился по естественным и довольно выдающимся причинам. Я нес какую-то пургу про постоянное место ассистентки, большую зарплату, трудности в мировой экономике и кипрский кризис.

«Есть несколько сложностей», — заметила мне секретарша на выдане.

«Во-первых, у меня маленький ребенок дома, но с этим я могу справиться. Мама посидит. Мужа нет. Так что проблем никаких не возникнет. Мне действительно нужна постоянная работа. И потом, во-вторых, я должна понимать: с Вашим клиентом надо сразу спать или голову ему морочить? А если не сразу, то когда? Кроме того, я далеко живу». Заикаясь и краснея, я говорил, что у нас свободная страна, что Ира меня не так поняла, что это всего лишь дружеский ужин и т.д. Улыбка будущей ассистентки переросла из саркастической в сардоническую. Мне плохело со скоростью Шумахера из формулы Один.

К половине восьмого мой водитель поднял Ирину в нашу квартиру. Она чуть накрутилась и сменила туфли. Джинсы и свитер боязливо прижимались к хозяйкиному телу в ожидании фейс контроля на грядущем балу. Выяснилось, что вечерних платьев у секретарши никогда не было...

Я решил, что так дело не пойдет, и мы направились ко мне в спальню, а через нее в гардеробную. Идея была проста. Любимая в деловой поездке то ли в Милане, то ли в Париже. Размер более менее тот же. В крайнем случае старушка Дианочка фон Фюрстенберг со своими халатами выручит. Вот, оказывается, чем хороши платья на «запашку», или как они там называются. Вытащив из гардероба три-четыре того, что мне показалось удобоваримым к месту и действию, я обернулся и заметил краем глаза, что Ира стаскивает с себя свитер. С нижним бельем в стране, видно, был такой же неурожай, как и с вечерними платьями. Края глаза оказалось мало, и я помог младшему персоналу руками. Чтoб не испортить прическу. Дальше... или надо было уже оставаться в спальне и никуда не идти до утра, или сделать над собой усилие и сказать: «Померяйте вот это. Наденьте, что вам понравится, и пойдём». Я выбрал второе, положил на кровать несколько сумочек «а sortie» и ушел смотреть телевизор в гостиную.

Через пять минут туда пришла горничная вместе со своим оторопевшим украинским видом и сказала, что видела (какой кошмар!) в нашей спальне голую девушку. Я успокоил ее, сказав, что это моя новая секретарша, мы идем на бал и ей нечего надеть. Поэтому я привел ее домой надеть на нее платье жены, пока той нет в Москве. Ничего страшного — это по работе. Так надо. Все для людей. Адвокат все-таки я или кто? В общем, всю правду.

Горничная как-то сразу скукожилась и сжалась на глазах, напомнив мне некую часть меня самого, когда я влезаю в ледяную купель после горячей сауны. Почему благотворительный бал так повлиял на эту дуру, я понять так и не смог и не успел, так как в этот момент вошла в гостиную сама секретарша. Она была молода и хороша одновременно. До противности. Почему-то

вспоминалась дедушкина одесская шутка: «Понравилась чужая жена? Не вздумай думать! Лучше немедленно возьми себя в руку!»

Что-то было эксплуатационно-интригующее в том, что мое любимое платье облеглось на новом теле, а на шее блистало кольцо имени бывшего клиента — сенатора. Вернее имени его бывших денег. В животе появилась легкая щекотка.

Мне захотелось тут же потрогать знакомую ткань и норковую накидку, но было как-то неловко опаздывать на аукцион.

— Могу Вам предложить чай, кофе, что-нибудь еще, или лучше потом? — в свою очередь, зазвездила горничная.

Я оставил идиотское «потом» на потом, и мы поехали на Тверскую в «Риц».

На балу нефтяник пил шампанское, мило прикрывая ладошкой гланды во время раскатистой сибирской рыготки *de la part de* «Вдова Клико», балагурил, вспоминая свою армейскую жизнь в городе Ковров и какого-то старшину Тараса Замудейло с Западной Украины, которого мучали на плацу газы, а также постоянно задавал мне два вопроса: получил ли я деньги, и много ли у меня таких клиентов, как он?

На аукционе им был приобретен «ваучер» на три дня в суперотеле на Багамах, который он широким жестом подарил моему секретарю. Секретарше ваучер был необходим, как проктологу курс повышения квалификации по удалению зубов. Подарок сопровождала шутка на тему, что если «Ирка будет себя хорошо вести, то он, может быть, и билеты оплатит себе и ей. Но их вот надо будет заслужить...». Юмореска вызвала бурю положительных эмоций у всех нефтяных и газовых коллег, сидящих за столом, и посему явно удалась. Устрицы были свежие, но меня все-таки чуть-чуть тошнило.

Секретарь, я и наш, можно сказать, клиент вышли из зала около одиннадцати вечера. «Ну мы, пожалуй, останемся в «Рице», — сказал Сергей. — Время позднее, куда переться домой в эту сраную Жуковку. Правда, Ирочка? Если, конечно, Александр Андреевич не возражает».

Я не возражал. Дело молодое. И весна в разгаре.

Мы попрощались, и они пошли по направлению к ресепшен оформлять «номера». Я достал телефон и сказал Игорю, чтобы тот подъезжал. У стойки консьержа нефтяник заполнял какую-то анкету, а Она... Она смотрела на меня вполоборота с едва заметной улыбкой или без нее, издали мне, очкарику, было не понятно.

Как и за какое время я прошел эти тридцать метров, я уже не помню. От неожиданности Он обернулся ко мне, слегка подняв насыщенную углеводородом бровь.

— Ирина не останется с Вами, Сергей Николаевич, у нас завтра трудный день. Я потом все объясню. Если захотите слушать...

Почти полубегом мы выскочили из гостиницы. Игорь уже стоял у входа и держал открытую дверь для дамы.

— Вы, наверное, вспомнили, что нужно до приезда жены забрать у меня платье, накидку, сумку и драгоценности? — смеющимися полумесяцами глазами спросила секретарша.

— Да, — ответил я. — Раздевайся. Прямо здесь. В машине. И напомни мне завтра утром, чтобы я отправил деньги Сергею Николаевичу обратно на его счет: с пометкой «Ошибочный платеж».

— Напомню, — сказала рыжая Ира. И положив голову на смокингное плечо, зачем-то поцеловала мне руку.

В зеркальце заднего вида я увидел улыбающиеся и почему-то счастливые глаза своего водителя.